

На правах рукописи

**Шакирова
Эльвира Венеровна**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ДИНАМИКА КОНКУРЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА**

**Специальность – 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии**

28 НОЯ 2013

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Уфа – 2013

ЖК

005541049

Работа выполнена на кафедре политологии, социологии и связей с общественностью ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Дорожкин Юрий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Гончаров Дмитрий Владимирович,
профессор кафедры прикладной политологии
Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

кандидат политических наук, доцент
Ермашов Дмитрий Васильевич,
доцент кафедры истории
социально-политических учений
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»**

Защита диссертации состоится «19» декабря 2013 г. в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д 521.004.03 при АНО ВПО «Московский гуманитарный университет» по адресу: 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3, ауд. 511.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке АНО ВПО «Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан «14» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сковиков А.К.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современных демократических странах важное значение политической оппозиции в функционировании политической системы не подвергается сомнению. В государствах авторитарного правления оппозиция признается только формально, на практике же она подвергается преследованиям и давлению. Особое место политическая оппозиция занимает в государствах с незавершенным процессом демократизации и переходными характеристиками политической системы, к которым можно отнести современную Россию.

Режимы подобного рода в современной политологии стали определять как «гибридные», то есть включающие в себя как демократические институциональные атрибуты, так и признаки авторитаризма. Такие политические режимы сформировались сравнительно недавно и закономерности их функционирования сегодня активно изучаются современными исследователями. Существенное место в проблематике переходных режимных форм занимает вопрос особенностей политической оппозиции в условиях гибридной политической среды, специфики ее функционирования и роли в политическом процессе.

События последних двадцати лет показали, что в условиях политического транзита ключевую роль в переходных процессах играют оппозиционные акторы. При этом, в отличие от классических моделей переходов начала «третьей волны демократизации», логика последних политических трансформаций в таких странах как Мексика, Ю. Корея или государствах постсоветского пространства имеет качественную специфику, которая во многом определялась особенностями функционирования политической оппозиции в условиях гибридного режима.

В этой связи, сегодня можно признать актуальным исследовательский вопрос о причинах, которые способствуют расширению конкурентных возможностей оппозиции и создают условия для более непредсказуемых электоральных исходов избирательного процесса. Не менее актуальным представляется вопрос выявления и систематизации факторов, ответственных за рост возможностей оппозиционных акторов, а также тех детерминант, которые, напротив, препятствуют этому. Диверсификация политических режимов сегодня актуализирует проблему изучения роли в этих процессах условий и политической среды, в которой функционирует оппозиция, в частности характеристик гибридных политических режимов. Наконец, рост числа авторитарных режимов в Мире и тенденции дефицита демократии, наблюдающиеся в последнее время, актуализируют проблему расчета реального конкурентного потенциала политической оппозиции в условиях, когда электоральные результаты существенным образом искажаются и не могут в полной мере объективно свидетельствовать о реальной поддержке со стороны населения оппозиционных кандидатов.

Все перечисленные вопросы являются крайне актуальными для современной политической науки и требуют научного анализа. Между тем, политологи и исследователи из смежных обществоведческих дисциплин

находятся лишь в начале пути изучения данной проблематики.

Степень научной разработанности проблемы. Изучение политической оппозиции имеет давнюю интеллектуальную и научную традицию в западной политологии. Политическая оппозиция исследовалась разными учеными как в рамках освещения вопросов развития партий и партийных систем (М. Вебер, Р. Михельс, К. фон Бейме, К. Джанда, М. Дюверже, Р. Катц, Дж. Ла Паломбара, С. М. Липсет, С. Роккан, П. Ордешук, А. Панебьянко, Дж. Сартори, Р. Таагепера, М. Шугарт, А. Уэйр), так и как самостоятельный объект изучения (Е. Колмский, О. Кирхаймер, Х. Оберейтер, Г. Ионеску, И. Мадаридже, М. Кубат, Р. Даль, Л. Хелмс, Х. Керр, Н. Джонсон, Н. Брэк, С. Винблум, Дж. Сартори).

Подобным же образом политическая оппозиция в постсоветской России изучается как в контексте общего процесса партийного строительства (С. А. Бабуркин, Дж. Т.Ишияма, А. К. Сковиков, Дж. Ллойд, М. Макфол, Р. Мозер, П. Ордешук, С. Фиш, Э. Шнайдер, С. А. Авакьян, С. В.Васильцов, С. Ю. Заславский, Ю. Г. Коргунюк, В. Н. Краснов, А. Кулик, В. В. Лапаева, М. Малютин, В. А. Никонов, В. Б. Пастухов, С. Б. Радкевич, А. М. Салмин), так и как особое политическое явление (Ю. А. Головин, В.Г. Ледяев, В.А. Луков, О.А. Рожнов, С.Н. Сергеев, Л. Н. Тимофеева, Б.А. Богомолов, В. И. Буренко, В.А. Васильев, В. Я. Гельман, Ю. Н. Дорожкин, Л. М. Мусина, С. Н. Шкель, И.Л. Морозов, М.И. Кодин, О. А. Коряковцева, А.Н. Евдокимов, Н.В. Клинецкая В.В. Журавлев, А.Н. Медушевский, А.Н. Шаров, А.Ю. Мельвилл, В.Б. Пастухов, В.П. Пешков, С.Ф. Гребениченко, Л.Г. Титова, Э.И. Скакунов, В.Н. Краснов, О. Ф. Шабров, Е.Б. Шестопап).

Для нашего исследования особый интерес представляют работы, в которых представлен анализ политической оппозиции в рамках недемократических режимов. Среди подобных исследований можно выделить работы Ф. Бэргхорна, Г. Скиллинга, Х. Линца, Д. Шепфлина, Ц. Кансино, Г. О. Доннелла, П. Шмиттера. Они указали на особенности функционирования оппозиции в условиях отсутствия демократических свобод и предложили классификацию оппозиции в тоталитарных и авторитарных политических режимах.

Значительный вклад в изучение политической оппозиции в условиях общественных трансформаций внесли такие ученые как А. Пршеворский, С. Хантингтон, А. Степан, Р. Даль, Г. Китчелт.

В последнее время в России были защищены диссертации по проблемам развития политической оппозиции в постсоветской России, среди которых можно выделить труды таких авторов как Г. В. Саенко, А. М. Джунусов, В. П. Пешков, А. Е. Воскресенский, Г. Р. Змановский, Б. Ю. Калинин, А. Г. Макеев, А. Е. Москалев, А. Г. Танова, С. Н. Сергеев, Л. Н. Тимофеева.

Тем не менее, проблематика политической оппозиции в условиях гибридного политического режима остается исследованной недостаточно. Почти неразработанными остаются аспекты изучения конкурентного

потенциала политической оппозиции посредством формализации и квантификации этого понятия.

Наряду с массой работ, рассматривающих институциональные основы политической оппозиции и формально-правовые аспекты ее развития, характеристики и факторы конкурентного потенциала политической оппозиции, включающие в себя анализ как формальных, так и неформальных институтов и практик, до сих пор не нашли должного освещения в научных исследованиях.

Актуальность, недостаточная исследованность и существенная значимость вышеуказанных проблем определили выбор темы диссертационного исследования.

Объект исследования – политическая оппозиция в постсоветской России.

Предмет исследования – динамика конкурентного потенциала политической оппозиции в постсоветской России.

Цель исследования - политическая оппозиция в условиях российских политико-режимных трансформаций конца XX – начала XXI века, выявление основных детерминант, определяющих динамику ее конкурентного потенциала.

Задачи исследования:

- рассмотреть теоретико-методологические основы исследования политической оппозиции в условиях гибридного политического режима;
- выявить основные детерминанты развития конкурентного потенциала политической оппозиции в постсоветской России;
- разработать исследовательскую модель индексного анализа конкурентного потенциала политической оппозиции;
- измерить посредством индексного анализа динамику конкурентного потенциала политической оппозиции в постсоветской России.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются классические теории демократии и авторитаризма, изложенные в трудах зарубежных и отечественных исследователей. В частности, в определении базовых понятий исследования автор исходил из классических определений политической оппозиции, заложенных в трудах Р. Даля и Х. Линца. Авторский ракурс анализа конкурентного потенциала политической оппозиции основывался на фундаментальных идеях транзитологии, в рамках которой были определены основные факторы, влияющие на динамику политического процесса.

При разработке типологии гибридных форм политических режимов автор опирался на методологический подход В. Меркеля, А. Круассана и на концепт конкурентного авторитаризма С. Ливитски и Л. Вея.

Построение индексной шкалы измерения конкурентного потенциала политической оппозиции базировалось на методологии индексного анализа, разработанного М. С. Шугартом, Дж. Кэри и получившей развитие в трудах А. Кроувела и О. И. Зазнаева. Автор использовал также опыт индексного анализа других прецедентов в рамках политической науки.

Ведущими методами исследования стали также структурно-функциональный, сравнительный и социологический анализ детерминант конкурентного потенциала политической оппозиции.

В работе использованы такие общенаучные методы исследования как формально-логический, анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, контент-анализ, ивент-анализ и ряд опросных методов.

Эмпирической базой диссертационного исследования являются данные социологических опросов ведущих российских центров изучения общественного мнения (Левада-Центра, ФОМ, ВЦИОМ), касающихся динамики социальных настроений, политических оценок и рейтингов власти и оппозиции. Для анализа социально-психологического самочувствия россиян использовались результаты многолетних социологических замеров, проводимых Институтом социологии РАН в рамках проекта «Двадцать лет реформ глазами россиян».

В работе привлечены официальные статистические данные Федерального комитета государственной статистики РФ, официальные данные электоральной статистики ЦИК РФ, данные макроэкономических показателей развития России от Всемирного банка и других аналитических центров.

Эмпирической основой служило также федеральное законодательство, регулирующее сферу избирательного процесса и партийного строительства.

Исследовательская гипотеза состоит в предположении о том, что динамика конкурентного потенциала политической оппозиции обуславливается совокупностью детерминант структурного и политико-режимного плана, а также процедурно-агентскими факторами, включающими в себя ресурсные достижения оппозиции. При этом предполагается, что в условиях гибридной политической среды динамика политической оппозиции имеет существенные особенности, обусловленные спецификой политико-режимных факторов. Отсюда делается предположение, что преобладающими факторами, определяющими динамику конкурентного потенциала политической оппозиции в условиях гибридного режима, являются не столько структурные, сколько собственно режимные стимулы и ресурсные детерминанты.

Научная новизна результатов диссертационного исследования заключается в следующем:

- разработана шкала кодирования политических режимов, позволяющая систематизировать основные признаки гибридных политико-режимных форм и формализовать отличия между дефектной демократией и конкурентным авторитаризмом;

- предложен метод операционализации понятия «конкурентный потенциал политической оппозиции» в виде индексной шкалы кодирования преимуществ власти и оппозиции, позволяющей измерять и рассчитывать Индекс конкурентного потенциала политической оппозиции;

- проведен индексный анализ конкурентного потенциала политической оппозиции в России в период 1993-2012 гг.;

- выявлены основные закономерности изменения динамики конкурентного потенциала политической оппозиции в постсоветской России и определено значение различных детерминант, влияющих на колебания этого параметра.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В контексте исследования конкурентного потенциала политической оппозиции типология современных политических режимов может быть представлена как совокупность четырех основных форм режимов, включающих в себя две чистые формы (либеральная демократия и закрытый авторитаризм) и две гибридные формы (дефектная демократия и конкурентный авторитаризм).

2. Для исследования специфики оппозиционных акторов в условиях гибридного политического режима аналитическое (узкое) определение политической оппозиции, ограничивающее ее институциональными рамками, является малопригодным, поскольку при таком подходе из поля анализа выпадает большинство внесистемных политических субъектов оппозиционного рода. Главными критериями для определения политической оппозиции должны быть не параметры ее институционализации, а факт диспозиции политических акторов по отношению к власти и ключевая цель их деятельности. Исходя из этого, политическая оппозиция определяется как совокупность политических акторов, оппонирующих власти, действующих как внутри, так и вне институциональных границ, не занимающих властно-управленческих позиций, но стремящихся их достичь.

3. Конкурентный потенциал оппозиции – это совокупность определенных возможностей и ресурсных достижений, используя которые оппозиция может добиться не просто достижения властных позиций на основе стратегии лояльности, но замещения властвующих элит в результате конкурентного соперничества. Конкурентный потенциал оппозиции складывается как сумма благоприятных для нее структурных факторов, политико-режимных стимулов и ресурсных достижений оппозиции за минусом аналогичных параметров власти.

4. Операционализацию понятия «конкурентный потенциал оппозиции» можно произвести посредством создания индекса власти и индекса оппозиции. Расчет индекса оппозиции (ИО) можно произвести посредством кодирования по шкале от 0 до 1 шестнадцати переменных, включающих в себя основные показатели структурных возможностей, режимных стимулов и режимных достижений оппозиции. По тем же самым параметрам можно рассчитать индекс власти (ИВ). Путем вычитания индекса власти из индекса оппозиции можно получить Индекс конкурентного потенциала оппозиции (КПО). Следовательно, расчет Индекса конкурентного потенциала оппозиции производится по формуле: $КПО = ИО - ИВ$.

5. Структурные факторы (макроэкономические, общественные настроения, рейтинги власти и потенциал государства) влияют на возможности оппозиции и могут способствовать росту или снижению ее конкурентного потенциала *не прямо, а опосредованно*, через влияние на

характер политического режима, трансформация которого, в свою очередь, может увеличить или уменьшить ресурсные возможности оппозиции. При этом специфические черты гибридных режимов создают особые эффекты и стимулы, определяющие возможности власти и оппозиции и, тем самым, влияют на стратегический выбор власти и оппозиционных акторов и определяют динамику конкурентного потенциала оппозиции.

6. Ключевыми детерминантами, влияющими на конкурентный потенциал политической оппозиции, являются режимные и ресурсные факторы. Структурные параметры играют ключевую роль в долгосрочной перспективе, однако в более короткие промежутки времени динамика конкурентного потенциала политической оппозиции в большей степени определяется именно совокупностью режимных стимулов и ресурсных возможностей.

Теоретическая и практическая значимость работы. Представленные в диссертации теоретические обобщения и выводы существенно дополняют имеющиеся подходы в исследовании политической оппозиции в условиях гибридных политических режимов. Материалы диссертации могут содействовать дальнейшему научному анализу динамики развития политической оппозиции в России и других странах.

Результаты исследования, связанные с пониманием источников и детерминант конкурентного потенциала политической оппозиции, позволяют заложить основы для принятия управленческих решений, направленных на сохранение стабильности политической системы общества и эффективного разрешения социально-политических конфликтов.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий для студентов высших учебных заведений, могут применяться в преподавании общего курса политологии, соответствующих спецкурсов и спецсеминаров.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Основные положения работы обсуждались на международных конференциях, конгрессах, «круглых столах»:

- II Форум молодых ученых Приволжского федерального округа «Совершенствование сферы науки и образования в России: проблемы, приоритеты и перспективы» (г. Уфа, 2012 г.);

- V Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы науки и техники-2012» (г. Уфа, 2012 г.);

- IX Международная научно-практическая конференция «Современный PR: теория, практика, образование» (г. Уфа, 2013 г.);

- Международная конференция «Contemporary issues in long-distance commute work in the extractive industries and other sectors» (г. Вена, 2013 г.).

Итоги исследования опубликованы в 9 работах, в том числе 3 – в рецензируемых научных журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политологии,

социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, получила положительную оценку и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения, библиографического списка, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности, определяются объект и предмет изучения, цель и задачи, теоретико-методологические и эмпирические основы исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования политической оппозиции в условиях гибридного режима» содержится анализ проблематики детерминант увеличения или уменьшения возможностей и ресурсов политической оппозиции с акцентом на анализ специфики функционирования оппозиции в условиях гибридных форм политических режимов. В главе также уточнены дефиниции, составляющие понятийный аппарат исследования, определены аналитические рамки анализа изучаемого политического явления.

В первом параграфе «Политическая оппозиция, элиты и контрэлиты: понятия и дефиниции» на основе анализа и обобщения различных подходов к определению сущности «политической оппозиции» разработана и предложена дефиниция данного понятия. Особенность авторского подхода вытекает из тезиса о том, что для исследования специфики оппозиции в условиях гибридного политического режима аналитическое (узкое) определение изучаемого объекта, ограничивающего его институциональными рамками, является малоприменимым, поскольку при таком подходе из поля анализа выпадает большинство политических субъектов оппозиционного рода. В работе выдвигается тезис, согласно которому для исследования авторитарных и гибридных типов политического режима более целесообразно опираться на подход, рассматривающих оппозиционных акторов как внутри, так и вне институциональных границ. Основным критерием определения оппозиции при данном подходе признается не столько уровень их институционализации, сколько место политических акторов во взаимодействии с властью, определяемое через средства и цели оппозиционных акторов в рамках шкалы от «лояльной полуоппозиции» до «принципиальной оппозиции» в терминологии Х. Линца. Исходя из этого, *политическая оппозиция* в работе понимается как политические субъекты, имеющие как формально-институциональные, так и неформальные рамки деятельности, действующие как внутри, так и вне институциональных границ и стремящиеся к смещению, замещению или инкорпорации в состав властвующих элит.

Понятие контрэлита также уточнено вне классического определения. В целях разграничения этого понятия от категории «оппозиция», контрэлита определяется как совокупность акторов, занимающих властные позиции и имеющие полномочия по принятию политико-управленческих решений, но находящихся в краткосрочном или долгосрочном конфликте с доминирующей элитной группой инкумбента.

Политический режим понимается в инструментальном ключе как совокупность политических элит, контрэлит и политической оппозиции с определенным ресурсным распределением между ними, а также ограничений и стимулов в виде политических институтов, функционирующих в рамках отдельной политики.

Во втором параграфе «*Политическая оппозиция в гибридных политических режимах: типы и критерии кодирования*» представлен анализ проблематики гибридных политических режимов с точки зрения влияния специфических режимных характеристик на функционирование и эволюцию политической оппозиции.

Исследование научных концепций современных политических режимов выявило, что доминирующей точкой зрения отечественных и зарубежных исследователей является взгляд на природу режима в современной России как «гибридного», включающего в себя как демократические, так и авторитарные признаки. Обобщение существующих в современной политической науке концептов позволило выделить два типа гибридных режимов и разработать типологию, включающую в себя четыре типа режимов: две чистые формы (*либеральная демократия и закрытый авторитаризм*) и две гибридные формы (*дефектная демократия и конкурентный авторитаризм*).

Таблица 1. Чистые и гибридные типы политических режимов: критерии кодирования

Критерии кодирования	Чистые типы		Гибридные типы	
	Либеральная демократия	Закрытый авторитаризм	Дефектная демократия	Конкурентный авторитаризм
Конституционализм	Есть	Нет	Нет	Нет
Степень институционализации оппозиции	Высокая	Отсутствует	Низкая	Низкая
Барьеры к допуску оппозиции на политический рынок	Низкие (равные)	Высокие (исключающие)	Низкие (равные)	Высокие (частично исключаяющие)
Характер политической конкуренции	Свободный и справедливый	Несвободный и несправедливый	Свободный, но несправедливый	Частично свободный и несправедливый
Степень репрессивности	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая или избирательно высокая

С целью более четкого разграничения отличий между гибридными типами режимов в работе предложены пять критериев, с помощью которых можно кодировать и дифференцировать разные типы режимов (См. таблица 1). Главные из критериев кодирования фиксируют взаимоотношения между элитой инкумбента и политической оппозицией в ходе политического процесса. Эти критерии следующие:

- наличие или отсутствие конституционализма (разделения властей, горизонтальной подотчетности власти, реализации принципа верховенства права и т. д.)

- степень институционализации политической оппозиции;
- уровень барьеров к допуску оппозиции на политический рынок;
- характер политической конкуренции;
- степень репрессивности режима.

Учет данных характеристик различных типов политического режима позволил ввести в поле анализа ряд факторов, способных объяснить различные аспекты эволюции оппозиции в условиях гибридного политического режима.

В третьем параграфе «Исследовательская модель индексного анализа конкурентного потенциала политической оппозиции» представлена исследовательская модель расчета конкурентного потенциала политической оппозиции, разработанная на основе классических теоретических положений политической науки и применения методики индексного анализа.

Исследовательская модель основывается на предположении, что конкурентный потенциал оппозиции складывается как сумма благоприятных для нее структурных факторов, политико-режимных стимулов и ресурсных достижений оппозиции. Следовательно, формулу расчета Индекса оппозиции (ИО) можно представить в виде:

$$\text{ИО} = \text{СВ} + \text{РС} + \text{РД}$$

где СВ – это структурные возможности; РС – режимные стимулы; РП – ресурсные достижения оппозиции.

Структурные возможности складываются из четырех переменных: макроэкономических показателей (М), доминирующих общественных настроений (ОН), рейтингов власти (РВ) и параметров управляемости и эффективности государства, определяемых как потенциал государства (ПГ). Следовательно, расчет структурных возможностей производится по формуле:

$$\text{СВ} = \text{М} + \text{ОН} + \text{РВ} + \text{ПГ}$$

Режимные стимулы складываются из семи переменных: формы правления государства (президентизм / парламентаризм) (ФП); тип избирательной системы (мажоритарная / пропорциональная / смешанная) (ИС); степень институционализации оппозиции (низкая / высокая) (ИО); барьеры допуска оппозиции на политический рынок (высокие / низкие / гибридные) (Б); характер политической конкуренции (свободный и равный / несвободный и неравный / гибридный) (ПК); степень репрессивности

(высокая / низкая / гибридная) (Р), раскол элит (наличие / отсутствие) (РЭ). Таким образом, расчет режимных стимулов проводится по формуле:

$$PC = \Phi\P + IC + IO + B + PK + P + PE$$

Ресурсные достижения оппозиции состоят из лидерских (Л), идеологических (И), стратегических (С), медийных (М) и организационных (О) ресурсов. Расчет ресурсных достижений оппозиции производится на основе формулы:

$$RD = L + I + C + M + O$$

Индекс конкурентного потенциала политической оппозиции определяется на основе разницы преимуществ между оппозицией и властью. Поэтому для расчета Индекса конкурентного потенциала оппозиции необходимо предварительно произвести расчет всех представленных шестнадцати переменных отдельно для власти, и отдельно для оппозиции. Сумма значений определяется как Индекс власти (ИВ) и Индекс оппозиции (ИО).

Данные индексы вычисляются на основе анализа шестнадцати переменных, представленной в нашей модели, по шкале от 0 до 1. Если по конкретному параметру наличествует признак, сопутствующий превосходству власти, то к ИВ присваиваем значение – 1. Если, напротив, признак говорит о преимуществах оппозиции, то к ИВ присваивается значение – 0. Аналогичным образом кодируются переменные и применительно к ИО, только с обратной логикой. Поскольку ряд параметров могут иметь амбивалентные эффекты как по отношению к власти, так и по отношению к оппозиции, что часто связано с неоднозначным влиянием на оппозицию эффектов гибридных режимов, кроме бинарных значений от 1 до 0 предусматривается возможность кодировать промежуточные показатели значением 0,5.

Индекс конкурентного потенциала оппозиции (КПО) рассчитывается посредством вычитания Индекса власти (ИВ) из Индекса оппозиции (ИО):

$$KPO = IO - IB$$

Положительные значения КПО указывают на большие возможности оппозиции и на ее высокую вероятность конвертировать свой потенциал в электоральный успех. Отрицательные значения КПО, напротив, указывают на ослабление оппозиции и минимизацию ее роли в политической жизни общества.

Во второй главе «Индексный анализ динамики конкурентного потенциала политической оппозиции в постсоветской России» представлены результаты измерения динамики конкурентного потенциала политической оппозиции в России в период 1993-2012 гг., проведенного на основе разработанной исследовательской модели. Индексирование конкурентного потенциала политической оппозиции в период 1993-2012 гг. позволило выявить динамику возможностей оппозиционных акторов и обозначить основные факторы, определяющие колебания и векторы развития эволюции политической оппозиции в постсоветской России с точки зрения ее конкурентных преимуществ и ограничений.

В первом параграфе «Политическая оппозиция России в условиях дефектной демократии (1993-2002 гг.)» представлены результаты индексного анализа конкурентного потенциала политической оппозиции в России на этапе существования режима, отвечающего основным признакам «дефектной демократии».

Измерение индекса конкурентного потенциала российской оппозиции в период 1993-2002 гг. позволил зафиксировать динамику конкурентных преимуществ оппозиции (См. таблица 2). В 1993 и 1995 гг. конкурентный потенциал оппозиции достигал довольно высокого показателя в 11 баллов. Однако в дальнейшем наблюдался общий тренд понижения. В 1996 г. он опустился до показателя 8 и после небольшого подъема в 1999 г. упал до значения 6 в 2000 г.

Таблица 2. Индексы власти и оппозиции в период 1993-2000 гг.

Случаи		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Сумма	КПО
1993	ИВ	0	0	0	0	0	0,5	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0,5	0	2,5	11
	ИО	1	1	1	1	1	0,5	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	1	13,5	
1995	ИВ	0	0	0	0	0	0,5	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0,5	0	2,5	11
	ИО	1	1	1	1	1	0,5	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	1	13,5	
1996	ИВ	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0,5	0	0,5	1	1	0	4	8
	ИО	1	1	1	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	1	0,5	0	0	1	12	
1999	ИВ	0	0	0	0	0	0,5	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	1	0,5	0	3,5	9
	ИО	1	1	1	1	1	0,5	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	0	0,5	1	12,5	
2000	ИВ	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0,5	1	0,5	1	1	0	5	6
	ИО	1	1	1	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	0	0,5	0	0	1	11	

Анализ полученных данных позволил зафиксировать факт понижения конкурентного потенциала оппозиции при сохранении неизменными всех факторов *структурного порядка* (параметры с 1 по 4). Это означает, что динамика индекса оппозиции и власти обуславливалась не столько изменением социально-экономических макропараметров и сменой трендов в общественном сознании, сколько факторами режимного и процедурного характера.

В случае президентских выборов 1996 г. *режимные факторы* оказывали на потенциал оппозиции амбивалентное влияние. На это указывает изменение параметров 6 (избирательная система) и 9 (характер политической конкуренции). В отличие от президентских выборов, на которых использовалась мажоритарная система, выборы Государственной Думы проходили с применением смешанной несвязанной системы, что отчасти минимизировало стимулы для консолидации оппозиции, что объективно ее ослабляло. Мажоритарный характер президентских выборов способствовал этой консолидации. Однако идеологическая поляризация общества и оппозиции мешала объединению вокруг фигуры Г. Зюганова большинству электората. Поэтому, несмотря на то, что на президентских

выборах 1996 г. представитель КПрФ набрал максимальный процент голосов (40,3%) за весь постсоветский период, этого оказалось недостаточно для победы.

Одновременно с этим, такой режимный параметр как «характер политической конкуренции» (9) на президентских выборах эволюционировал в пользу власти, что выражалось в усилении неравенства и несправедливости избирательного процесса. Можно сказать, что президентские выборы 1996 и 2000 гг. в силу их высокой цены для правящей группы вынуждали последних действовать более жестко и применять ограничения в отношении к оппозиции, которые в целом можно оценивать как колебания режима от дефектной демократии к электоральному авторитаризму. Таким образом, сокращение конкурентного потенциала оппозиции во многом обуславливалось динамикой режимных характеристик.

Наибольший вес понижения потенциала оппозиции на президентских выборах 1996 г. связан с сокращением ресурсных достижений оппозиционных акторов в виде параметров 14 (стратегические ресурсы) и 15 (медийные ресурсы). Консолидация вокруг Б. Ельцина представителей бизнеса и медиа-магнатов обеспечила ему доминирование в СМИ. Привлечение профессиональных политтехнологов позволило выработать более яркую, новаторскую и эффективную избирательную стратегию, что обусловило поражение коммунистической оппозиции в лице Г. Зюганова.

Сравнительный анализ президентских выборов 1996 г. и парламентских выборов 1993 и 1995 гг. позволяет сделать вывод, что даже в условиях неблагоприятных структурных параметров и высокого конкурентного индекса политической оппозиции представители инкумбента могут удерживать властные позиции при условии: 1) идеологической поляризации и стратегическом бессилии оппозиции к консолидации в условиях мажоритарной системы сильного президенциализма; 2) сокращении ресурсных достижений оппозиции в части их медийного представительства; 3) корректировки режимных характеристик в части сокращения равенства и справедливости избирательных процедур.

В ходе выборов Государственной Думы 1999 г. индекс КПО вырос на 1 балл и стал равен 9, что объясняется применением на выборах смешанной избирательной системы (параметр 6). Кроме того, на это повлияло улучшение уровня равенства и справедливости политической конкуренции (параметр 9), что стало побочным результатом обострения противостояния между элитами федерального центра и региональными контрэлитами. Тем не менее, до прежних 11 баллов индекс КПО уже не поднялся, что объясняется изменением параметра 14, то есть потерей стратегических достижений оппозиции. Принятие КПрФ стратегии «вхождения во власть» сократило уровень поддержки партии ее более радикальных сторонников. Одновременно с этим повестку радикального оппонирования федеральной власти перехватили региональные контрэлиты. В результате, оппозиция оказалась еще более фрагментированной, что в итоге не могло не отразиться на электоральных результатах. В частности, КПрФ по итогам выборов 1999

потеряла по сравнению с прошлой парламентской избирательной кампанией почти 10% мест в Государственной Думе.

В ходе президентских выборов 2000 г. Индекс КПО сократился до 6. Как и в случае с выборами 1996 г. причиной этого являлись понижение уровня демократичности политической конкуренции (9), сокращение стратегических (14) и медийных (15) достижений оппозиции. Кроме того, впервые на этих выборах оппозиция лишилась лидерского ресурса (параметр 12). Все это в совокупности обусловило победу «преемника» Б. Ельцина.

Анализ рассматриваемого этапа позволил прийти к выводу, что сокращение индекса конкурентного потенциала политической оппозиции было связано с потерей оппозицией своих ресурсных достижений. Если сравнить составляющие индекса оппозиции в благоприятные для нее 1993-1995 гг., когда он составлял 13,5, с 2000 г., когда он снизился до 11 пунктов, то можно обнаружить, что сокращение индекса, главным образом, произошло за счет факторов из разряда ресурсных достижений. Из пяти наблюдается динамика по трем (12, 14 и 15), что в сумме дало сокращение на 2,5 пункта. Еще 0,5 пункта сократились благодаря параметру 9, но в индексе оппозиции эти баллы оказались восполнены преимуществом по параметру избирательной системы (6). Однако, мажоритарный характер выборов оказался нивелированным в условиях стратегической слабости и идеологической поляризации оппозиции и не оказал сильного эффекта на конечный электоральный исход.

Второй параграф «Политическая оппозиция в России в условиях конкурентного авторитаризма (2003-2008 гг.)» посвящен индексному анализу динамики конкурентного потенциала политической оппозиции в России в условиях режимной эволюции от дефектной демократии к конкурентному авторитаризму.

Рассчитанные индексы конкурентного потенциала оппозиции в период 2003-2008 гг. зафиксировали отрицательные значения (См. таблица 3), что говорит о ликвидации былых преимуществ оппозиционных субъектов.

Таблица 3. Индексы власти и оппозиции в период 2003-2008 гг.

Случай	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Сумма	КПО
2003	ИБ	1	1	1	1	0	0,5	0,5	1	0,5	0,5	1	1	1	1	0,5	12,5	-9
	ИО	0	0	0	0	1	0,5	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0,5	3,5	
2004	ИБ	1	1	1	1	0	0	0,5	1	0,5	0,5	1	1	1	1	0,5	12	-8
	ИО	0	0	0	0	1	1	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0,5	4	
2007	ИБ	1	1	1	1	0	1	0,5	1	1	0,5	1	1	1	1	0,5	13,5	-10,5
	ИО	0	0	0	0	1	0	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0,5	3	
2008	ИБ	1	1	1	1	0	0	0,5	1	1	0,5	1	1	1	1	0,5	12,5	-8,5
	ИО	0	0	0	0	1	1	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0,5	4	

В ходе выборов 2003 г. Индекс КПО был равен значению -9, в 2004 г. поднялся на один балл и стал равен -8, к 2007 г. упал до рекордно низкого

показателя -10,5, а в 2008 г. составил -8,5. Анализ совокупности детерминант, ответственных за нисходящую динамику индекса конкурентного потенциала оппозиции в период 2003-2008 гг., позволил прийти к следующим основным выводам.

В отличие от прошлого периода, все четыре фактора *структурного порядка* (параметры 1-4) перестали быть преимуществами оппозиции. Макроэкономическая динамика (1), тренды общественных настроений (2), рейтинг власти (3) и возрастающий потенциал государства (4) сменились в сторону расширения возможностей инкубента.

Смена лидерства в виде прихода к власти В. Путина (12), которая уже произошла в конце прошлого периода, помогли власти максимизировать эти потенциальные возможности и превратить их в реальные политические победы.

Наряду со структурными факторами, существенную роль в сокращении потенциала оппозиции играли изменения *политико-режимных параметров*. Об этом говорит динамика показателей 8, 9, 10 и 11. В частности, впервые стало играть роль повышение барьеров допуска оппозиции на политический рынок (8), что было связано с принятием более жесткого партийного и избирательного законодательства. Примечательно также, что если ранее сокращение демократичности характера политической конкуренции (9) было свойственно только для президентских выборов, то с 2003 г. он стал проявляться и на выборах Государственной Думы. Впервые также в постсоветский период режим изменился по параметру степени репрессивности (10). Избирательные репрессии против олигархов сократили источники финансирования оппозиционных партий и существенно ослабили последних. Наконец, говоря о режимных стимулах, противоположным стал показатель раскола элит (11). К 2003 г. федеральная власть окончательно подавила элитную фрагментацию и политическая элита приобрела черты монолитности. Потенциал контрэлит был окончательно подавлен посредством «навязанного консенсуса», что сократило возможности политической оппозиции.

Таким образом, сокращение индекса конкурентного потенциала оппозиции определялось не только изменением параметров структурного уровня, но в значительной степени эволюцией политико-режимных характеристик, что говорило о трансформации режима от дефектной демократии к конкурентному авторитаризму, накладывающему на возможности политической оппозиции существенные ограничения.

Все это дополнялось потерями оппозиции в плане ее *ресурсных достижений*. Об этом указывают изменения параметров 12, 13 и 16. Впервые не только на президентских выборах, но и на парламентских лидерский ресурс (12) более эффективно стал использоваться властью, а не оппозицией. Перехват государственно-патриотических лозунгов у оппозиции «партией власти» ликвидировал также идеологические достижения оппозиционных сил (13). Наконец, если ранее на парламентских выборах оппозиция, в частности КПРФ, имела превосходство в организационном

ресурсе (16), то после создания избирательного блока «Медведь», а затем слияния его с блоком «Отечество - вся Россия» и формированием «партии власти» «Единая Россия», впервые данное преимущество оппозиции было существенным образом минимизировано.

В период президентских выборов 2004 г. незначительное повышение индекса конкурентного потенциала оппозиции связано с параметром 6 – избирательная система. Мажоритарный характер президентских выборов создавал стимулы для консолидации оппозиции. Однако в данный период эти возможности оставались нереализованными в силу стратегической линии оппозиции, которая в условиях эволюции режима в сторону авторитаризма была вынуждена выбрать политику лояльности и «системности», что не способствовало преодолению раздробленности оппозиционных сил и увеличивало разрыв между «системной» и «несистемной» оппозицией.

Дальнейшие незначительные колебания в динамике индекса конкурентного потенциала оппозиции в период выборов 2007 и 2008 гг. связаны с параметрами 6 и 9. Переход к пропорциональной избирательной системе (6) выборов депутатов Государственной Думы, которая впервые была применена в 2007 г., еще более снизил стимулы для оппозиции к консолидации, объективно ослабив ее. Как и ранее, мажоритарная система президентских выборов, хотя теоретически и создавала стимулы к консолидации, но на практике они нейтрализовались факторами режимного и ресурсного порядка. Одновременно с этим в период электорального цикла 2007-2008 гг. характер политической конкуренции (9) приобрел не только неравный, но и частично несвободный характер. Эти эффекты ужесточения режима также сократили возможности и конкурентный потенциал политической оппозиции.

В третьем параграфе «Эволюция политической оппозиции в России на современном этапе (2009-2012 гг.)» представлены результаты индексного анализа конкурентного потенциала российской оппозиции в период 2009-2012 гг.

Расчет индекса конкурентного потенциала оппозиции в России на современном этапе позволил зафиксировать новый тренд в динамике распределения ресурсов между властью и оппозицией, что отражается в повышении индекса оппозиции (См. таблица 4).

Хотя индекс конкурентного потенциала оппозиции сохраняет отрицательные значения, к 2012 г. он вплотную приблизился к нулевой отметке.

Если этот тренд продолжится в будущем, то, возможно, к следующему электоральному циклу 2016-2018 гг. оппозиция вновь станет значимым политическим игроком на российской политической сцене.

Таблица 4. Индексы власти и оппозиции в период 2011-2012 гг.

Случай		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Сумма	КПО
2011	ИВ	0,5	1	1	1	0	1	0,5	1	1	0	1	0,5	0	0	0,5	0,5	9,5	-2,5
	ИО	0,5	0	0	0	1	0	0,5	0	0,5	1	0	0,5	1	1	0,5	0,5	7	
2012	ИВ	0,5	1	1	1	0	0	0,5	1	1	0	1	0,5	0	0	0,5	0,5	8,5	-0,5
	ИО	0,5	0	0	0	1	1	0,5	0	0,5	1	0	0,5	1	1	0,5	0,5	8	

Перемены наблюдаются в области структурных возможностей. Речь идет о влиянии экономического кризиса (1). В целом, однако, динамика структурных параметров является незначительной и они не составляют существенного прироста в индексе конкурентного потенциала оппозиции. Это говорит о том, что, как и в период 1993-2000 гг. оппозиция способна менять свои характеристики в сторону, как сокращения, так и расширения своего конкурентного потенциал вне зависимости от макропараметров развития общества, хотя, конечно, их влияние не является нулевым.

Тем не менее, анализ результатов позволяет заявить, что основной прирост индекс конкурентного потенциала оппозиции связан с параметрами ресурсных достижений, то есть объясняется не столько переменами социально-экономической среды, сколько с перераспределением стратегических и ресурсных инициатив политических акторов.

Так, результаты индексного анализа показывали, что наибольший прирост индекса конкурентного потенциала оппозиции обусловлен переменной значений в пользу оппозиции режимных параметров 12,13,14 и 15. На современном этапе оппозиция в значительной мере решила свои проблемы в части лидерского кризиса (12), совершила идеологическую эволюцию (13), достаточно успешно перешла к прагматичной и рациональной стратегии действий (14), эффективно использовала Интернет-среду, расширив тем самым свои медиа-ресурсы (15).

В тоже время многие из этих факторов ресурсного порядка не использованы в полной мере и имеют потенциал расширения. Это касается лидерских (12), медийных (15) и организационных (16) ресурсов.

Как позитивный фактор усиления оппозиционного потенциала стал работать параметр 10 – степень репрессивности. В условиях экономического роста режим отказался от репрессивных практик, что понизило цену оппозиционной деятельности. Вместе с тем, в целом режимные факторы, как и структурные, остаются главными ограничителями в расширении возможностей для оппозиции. Именно в рамках режимных факторов индекс конкурентного потенциала оппозиции недобирает баллы. Это касается таких параметров, как институционализация оппозиции (7); которая остается половинчатой; барьеров к допуску на политический рынок (8); сохраняющийся характер неравной и частично свободной политической конкуренции (9); отсутствия раскола властвующих элит (11).

В диссертации делается вывод, что на современном этапе преимущества власти и ограничения в конкурентном потенциале

политической оппозиции в значительной степени сохраняются за счет режимных характеристик, которые позволяют элите инкумбента добиваться необходимых ему электоральных результатов. Поэтому подавление наметившего тренда роста конкурентного потенциала оппозиции во многом будет зависеть от дальнейшей эволюции политического режима. Переход к дефектной демократии откроет новые возможности для усиления оппозиции, в то время как движение в сторону закрытого авторитаризма и сворачивания даже тех относительных свобод, которые присущи гибридному режиму в виде конкурентного авторитаризма, может заблокировать рост оппозиционного потенциала.

В свою очередь вектор режимных изменений во многом будет определяться структурными факторами. Сохранение их в стабильном состоянии позволит властвующей группе инвестировать ресурсы в репрессивные практики, что при сохранении низкой политической мобилизации населения может оказаться достаточно эффективным механизмом ограничения потенциала оппозиции. Это станет труднореализуемо (хотя и возможно) в условиях ухудшения макроэкономических показателей, поскольку может привести к сокращению потенциала государственного управления, росту протестных настроений и другим явлениям структурной нестабильности, которые могут расширить возможности оппозиции и заблокировать репрессивные намерения власти.

В заключении диссертации подведены основные итоги работы и определены перспективы изучения проблемы.

Отмечается, что индексирование конкурентного потенциала политической оппозиции в период 1993-2012 гг. позволило выявить динамику возможностей оппозиционных акторов и обозначить основные детерминанты, определяющие колебания и векторы развития эволюции политической оппозиции в постсоветской России с точки зрения ее конкурентных преимуществ и ограничений. Полученные результаты позволили подтвердить общую гипотезу исследования о том, что динамика конкурентного потенциала политической оппозиции обуславливается совокупностью детерминант структурного и политико-режимного плана, а также процедурно-агентскими факторами, включающими в себя ресурсные достижения оппозиции.

Тестирование общей гипотезы на материале постсоветской России 1993-2012 гг. показало, что индекс конкурентного потенциала оппозиции может характеризоваться динамикой при сохранении основных структурных параметров. Так, в период 1995-1996 гг. индекс конкурентного потенциала оппозиции снизился с 11 до 8 баллов, при том, что основные структурные параметры сохранялись неизменными. Подобное же явление наблюдается на современном этапе, когда при незначительных корректировках структурных факторов индекс конкурентного потенциала оппозиции существенно возрос и в период 2008-2012 гг. поднялся с показателя -8,5 до -0,5. Это означает, что в условиях гибридной политической среды и переходными характеристиками политической системы динамика конкурентного потенциала оппозиции

определяются не столько структурными факторами, сколько факторами режимного и ресурсного характера.

С учетом полученных результатов в диссертации делается вывод: структурные факторы расширяют возможности оппозиции и способствуют росту ее конкурентного потенциала *не прямо, а опосредованно*, через влияние на характер политического режима, трансформация которого, в свою очередь, может увеличить возможности оппозиции.

Индексный анализ политической оппозиции в постсоветской России позволил прийти к выводу, что значительное влияние на конкурентный потенциал оппозиции оказывают *факторы политико-режимного характера*. При этом специфические черты гибридных режимов создают особые эффекты на возможности оппозиции, влияя на ее стратегический выбор и, тем самым, определяя динамику ее конкурентного потенциала. В частности, отсутствие конституционализма и наличие сильной президентской власти, определяющей моноцентризм гибридного режима обоих его форм (дефектной демократии и конкурентного авторитаризма), может по-разному воздействовать на стратегию оппозиции в зависимости от конкретного типа гибридного режима.

Еще одним выводом исследования стало положение, согласно которому существенное влияние на конкурентный потенциал политической оппозиции оказывают факторы *ресурсного порядка*. При этом разные типы гибридных режимов могут оказывать противоположные эффекты на ресурсные достижения оппозиции, что еще раз подтверждает значимость режимных факторов относительно динамики конкурентного потенциала оппозиции.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Шакирова Э. В. Политическая оппозиция как фактор увеличения агрессии у молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2013. № 4 (30). Часть III. С. 177-179. (0,2 п. л.).

2. Шакирова Э. В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2013. № 6 (32). Часть II. С. 203-210. (0,5 п. л.).

3. Шакирова Э. В., Хайруллин В. А. Формирование контрэлиты как фактор, способствующий увеличению агрессивных проявлений подросткового поколения // Перспективы науки. 2013. № 5 (44). С. 83-87. (0,4/0,2 п. л.).

Другие публикации:

4. Мухаметгалеева Э. В., Дорожкин Ю.Н. Политические оппозиции и контрэллиты в период демократии в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и техники: сб. трудов II Международной конференции молодых ученых. Уфа, 2010. Том II. С. 253-257. (0,4/0,2 п. л.).

5. Шакирова Э. В. Феномен контрэллиты // Власть, общество, личность: сб. статей. Международная научно-практическая конференция. Пенза, 2012. С. 85-89. (0,3 п. л.).

6. Шакирова Э. В. Политическая контрэллита на этапе горбачевской перестройки // Актуальные проблемы науки и техники: сб. трудов V Международной научно - практической конференции молодых ученых. Уфа, 2012. Том II. С. 271-274. (0,25 п. л.).

7. Мухаметгалеева Э. В. Контрэллиты и политические оппозиции в условиях демократии в Российской Федерации // Казанские научные чтения студентов и аспирантов – 2010: сб. трудов. Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов. Казань, 2010. С. 324-325. (0,12 п. л.)

8. Шакирова Э. В. Влияние политической оппозиции на общественное мнение граждан // PR в России: теория, практика, образование: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Э.С.Гареева, Ю.Б.Козловой. Уфа, 2013 С. 261-264. (0,25 п. л.)

9. Шакирова Э. В. Понятие политической оппозиции // Актуальные проблемы науки и техники: сб. трудов VI Международной научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2013. Том II. С. 102-105. (0,25 п. л.).

Подписано в печать 13.11.2013 г.

Бумага офсетная. Формат 60х84/16.

Гарнитура «Таймс». Печать трафаретная. Объем 1,2 п. л.

Тираж 100. Заказ 194.

Типография Уфимского государственного нефтяного технического университета

Адрес издательства и типографии:

450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1